

Память Си Чжэня будто нахлынула волной. Он внезапно вспомнил свою первую встречу с Чэн Минъи, тот просил называть его «Сяо Сю». Вспомнил, как власти подоспели на место того дела о похищениях подозрительно вовремя. Вспомнил, что, странствуя по рекам и озёрам, никогда не слышал имени Вэнь То. Вспомнил пугающую осведомлённость человека в фиолетовом и множество других деталей, скрытых во тьме, о которых он никогда не задумывался всерьёз. На мгновение его лицо исказилось, но он быстро взял себя в руки.

— Благодарю, — сказал он. — Но мне нужно ещё кое в чём убедиться лично. Просто сейчас я немного устал, хочу отдохнуть.

Хотя ночь уже приближалась, они на самом деле только что проснулись. Усталость была лишь предлогом, но Янь Ся понял его состояние.

— Хорошо, отдохни, — кивнул он. — А я осмотрю деревню.

Янь Ся проводил взглядом Си Чжэня, скрывшегося в доме, и повернулся к Шэнь Юю.

— Я думал, он усомнится в моих словах, — сказал Шэнь Юй. — Но первым под подозрение попал Чжунли Сю. Видимо, тот и вправду многое упустил в прошлом. Просто Си Чжэнь слишком ему доверял, потому никогда не сомневался. А теперь, после твоего намёка, всё, что Чжунли Сю недоглядел, проступило перед ним, словно нити на ткани.

Янь Ся взглянул на темнеющее небо. Сонливости не было и в помине, и он направился прочь. Шэнь Юй парил рядом.

— Завтра Чжунли Сю должен очнуться. Как думаешь, что будет?

Янь Ся, уже отойдя от остальных, ответил на ходу:

— Кто знает. Чжунли Сю — персонаж не простой. У них с Си Чжэнем многолетняя дружба. Возможно, пара ласковых слов — и мнение Си Чжэня переменится. Всё-таки он из Храма Пяомяо, а тамошние всегда славились своеволием и вседозволенностью. Хотя Си Чжэнь и кажется среди них белой вороной, в некоторых вещах он ужасно на них похож. — Например, в готовности жизнью рискнуть, спасая Чжунли Сю.

Шэнь Юй, видя, как много Янь Ся размышляет, усмехнулся. В голосе его звучала лёгкая ностальгия.

— Не ожидал, что ты так изменишься. Раньше ты и внимания не обратил бы на подобное.

Янь Ся удивился.

— А тебе не нравятся эти перемены?

— Вполне, — ответил Шэнь Юй. — Суть не изменилась, просто повзрослел. Хотя ты и восстановил память прошлой жизни, это всё же не твоя нынешняя жизнь. Для тебя те события — чужие истории. Они могут помочь тебе вырасти, но не превратят в того человека.

Янь Ся остановился.

— А в чём моя суть?

— В начале ты казался равнодушным ко всему, но на деле жаждал жизни, — без колебаний ответил Шэнь Юй. — Мачеха не ущемляла тебя в еде и одежде, ты мог жить без забот. Но ты

не стал гнить в том дворике. Сам вышел в мир, учился медицине, учился лапшу готовить. Ты хотел в этот мир влиться, не так ли? Потом ты, казалось, стал безразличен к жизни, но каждый человек проходит через период сомнений: «В чём смысл?». Будущего ты не видел, потому и не знал, как жить. А когда узнал, что рекам и озёрам грозит беда, снова стал о будущем заботиться. Вообще-то ты жизнь ценишь. Просто тогда дорогу потерял. Да и то, что рассказал Си Чжэню о Янь И и Янь Сьюане, — разве не из опасения, что потом может пригодиться его помощь? Неизменным осталось лишь одно — твоя благодарность.

— А теперь, глядя со стороны, вижу: дел в мире у тебя ещё много, прежней потерянности нет. Сейчас ты голову ломаешь лишь над тем, как распутать этот клубок.

— Это взгляд со стороны? — сказал Янь Ся. — Я сам всего этого не замечал.

— Себя со стороны порой не разглядеть, — отозвался Шэнь Юй. — Кстати, вон тот человек... тот, о ком мы говорили, из секты Футу.

Янь Ся посмотрел в указанном направлении и наконец разглядел лицо незнакомца. Тот был красив, с длинными волосами, свободно ниспадавшими до пояса. На лду алела яркая, как киноварь, точка. Незнакомец беседовал с деревенскими, почувствовал взгляд и поднял глаза. Его тёплая улыбка словно принесла с собой дыхание весны, пробуждающее надежду.

Си Чжэнь вернулся в комнату. Чжунли Сю ещё не приходил в себя. Он смотрел на это лицо, на слезинку у глаза, что горела, как уголь. Вспомнил их первую встречу: Чжунли Сю уже тогда был не по годам серьёзен, выделялся среди сверстников. И дальнейшие поступки его говорили о продуманности и расчёте. А он, Си Чжэнь, наслушавшись чужих разговоров, сторяча навесил на него ярлык «сына предводителя альянса». Смешно. Он с таким пылом заявил, что знает, кто такой Чжунли Сю, а у того тогда лицо изменилось... Жаль, он не заметил. Позже, в Храме Пяомяо, он проговорился, назвав Чжунли Сю Чэн Минъи, и тогда вспомнил его слова: «Видимо, и вправду небесам угодно». Какое ж это было «угодно»! Простая случайность. Чжунли Сю, вероятно, давно планировал принять личину Чэн Минъи.

Он мог бы усомниться в Янь Ся — ведь Чэн Минъи был его давним другом, а о Чжунли Сю как о члене императорского рода он не слышал. Но трещина сомнений расширялась. Он вспомнил Вэнь То, наставника Сяо Сю. Спрашивал как-то учителя, кто тот человек, что привёл его в Храме Пяомяо. Учитель лишь отмахнулся: «Мой младший брат по учению. В былые годы искусством он меня превосходил. Но, достигнув вершин, сошёл с гор — и пропал. Думал, прославит наше учение, а он словно камень в воду канул. И вот явился ни с того ни с сего — и тебя привёл».

Тогда Си Чжэнь лишь подумал: «Великий мастер, не иначе. Потому старый предводитель и доверил ему сына». Теперь же, оглядываясь, видел сплошные нестыковки. Вэнь То покинул горы ещё до вторжения еретической секты и пропал. Объявился вновь лишь рядом с юношей. Во время тех событий его и след простыл. Да и старый предводитель вряд ли мог сойтись с Вэнь То. Ближайшим другом старого предводителя был Куан Хэ — человек, говорят, кристальной честности и отваги. В глазах же его учителя и его самого Вэнь То был чудаковатым и своенравным, хоть и ценил таланты. Ничего общего с окружением предводителя.

Си Чжэнь видел старого предводителя несколько раз — всегда с Чжунли Сю. Он им восхищался, как, впрочем, и большинство молодёжи рек и озёр. Тот ведь в одиночку перебил

добрую половину последователей Дворца Чжэюнь и Дворца Либе, отбросив их на двенадцать городов назад. В глазах Си Чжэня он был воплощением благородства и неподкупности.

Но каждый раз, когда Чжунли Сю приводил его к отцу, между ними веяло холодом. Чжунли Сю отчитывался о делах в мире сухо, старый предводитель давал краткие наставления. После чего Чжунли Сю возвращался в кабинет и вновь погружался в изучение событий мира. Си Чжэнь, видя эту холодность, терялся. Тогда Чжунли Сю говорил: «Отношения с отцом — наше личное дело. Он — великий мастер, ты можешь учиться у него, не обращай на меня внимания». Хотя Си Чжэнь и не понимал, из-за чего тот разлад, тот факт, что ни отец, ни сын ни разу не сказали друг о друге дурного слова, вызывал странное чувство.

«Что я буду делать, когда ты проснёшься?» — подумал Си Чжэнь.

Одинокая луна, морозная ночь.

— На что смотришь? — спросила девочка лет двенадцати у сверстника, уставившегося в пустыню Гоби.

— А знаешь, каким это место было раньше? — отозвался мальчик.

Девочка зевнула — возможно, от холода — и выдохнула облачко пара:

— Пустыней и было.

В глазах мальчика мелькнула печаль.

— Раньше здесь тянулись горные хребты на десятки тысяч ли.

Девочка замерла с полуоткрытым ртом, глядя на него так, будто он не в себе.

— За всю жизнь ни от кого не слышала, чтобы тут горы были. Ну, назови, если были.

Мальчик уставился на землю, усеянную острыми камнями.

— Гора Чжаояо, — пробормотал он.

Девочка аж подпрыгнула.

— Есть только еретическая секта Чжаояо, никакой горы! Если ты серьёзно, то голова у тебя не в порядке. Сходи к людям из Футу, как раз один мастер здесь, пусть полечит.

Сказав это, она ушла, оставив мальчика в одиночестве. Свет одинокой луны заливал бескрайнюю землю, а его тень была тонкой и длинной, одинокой и печальной.

— Линьэр, я вернулся, — прошептал он.

<http://bllate.org/book/16277/1465671>